

МАТИЛЬДА ВРЕДЕ

Финская миссионерка

ГЛАВА ПЕРВАЯ Ангел заключённых

«Они сидели во тьме и тени смертной, окованные скорбью и железом; ибо не покорялись словам Божиим, и небрегли о воле Всевышнего. Он смирил сердце их работами; они преткнулись и не было помогающего, но воззвали к Господу в скорби своей, и Он спас их от бедствий их; вывел их из тьмы и тени смертной и расторгнул узы их. Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих! Ибо Он сокрушил врата медные, и веревы железные сломил».

(Псалом 106:10- 16)

Зимой 1883-1884 года один блудный сын возвратился к своему Небесному Отцу. Это произошло в следственной тюрьме города Вазы в Финляндии. Когда был вынесен приговор «За четвертую кражу пожизненное заключение в крепости», молодой заключённый, несмотря на это, был свободен, ибо «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Иоанна 8:36).

В то пасхальное утро Матильда Вреде встала очень рано, собрала большой пакет хлеба, масла, сыра, яиц и мяса - последнее угощение для человека, которого должны были отправить в Каколу. Как раз на Пасху, в утро воспоминания Воскресения Христова, должен был отойти транспорт с заключёнными.

Молодая девушка, никогда в жизни ещё не выдавшая никого приговорённого к пожизненному заключению, пришла вместе с осуждённым в вагон. Там этот молодой, глубоко раскаявшийся и теперь истинно верующий человек был закован в тяжёлые железные оковы.

Весеннее утро было тёплое и солнечное, молодёжь, шутя и смеясь, спешила к готовому к отходу поезду. Какими различными были эти пасхальные путешественники! Эти резкие противоречия оставили свой глубокий след в душе той, которой было суждено стать другом или «ангелом» заключённых!

Когда в 1885 году Матильда Вреде впервые посетила Каколу, она немедленно осведомилась об этом человеке и нашла, что «он возрос в благодати и мудрости пред Богом и людьми». Их дружба продолжалась из года в год, и каждое новое свидание приносило обоим огромную радость.

Во время одного такого посещения молодой человек сказал: «Я уже давно чувствовал себя больным и слабым, а теперь врач сказал, что у меня чахотка и что она зашла уже далеко. Вероятно, мне осталось недолго жить. Вы знаете, барышня, я хороший столяр. Мне бы хотелось, чтобы моей последней работой на земле было что-нибудь для Матильды Вреде. Закажите что-нибудь в конторе, и я постараюсь исполнить заказ как можно лучше».

Матильда была глубоко тронута и рассказала об этом своему брату, у которого она тогда жила. Он сам был как раз болен, и на него сильно подействовала эта последняя просьба умирающего заключённого. «Закажи себе что-нибудь очень красивое и позволь мне взять расход на себя, - сказал он сестре, - мне тоже хочется сделать что-нибудь, чтобы помочь осуществить красивую мысль заключённого». На следующий день Матильда сказала чахоточному узнику: «Я вам сердечно благодарна за всё, что бы вы ни сделали. Назначьте сами, что бы вам хотелось изготовить. Мой брат шлёт вам привет и обещает купить ваш подарок в конторе, чего бы он ни стоил».

Несколько недель спустя она получила маленький шкафчик с книжной полкой, прекрасно отполированный и украшенный тонкой красивой резьбой. Матильда любовалась подарком, и слёзы катились у неё из глаз по щекам. Заключённый сказал ей с грустной улыбкой: «Я знаю, что у вас есть привычка всё отдавать, но этот шкаф никому дарить не разрешается, потому что я снабдил его меткой. Вот видите, на этой стороне я вырезал буквы М.В., а на другой - семейный герб семейства Вреде». С того дня этот подарок занял почётное место в комнате Матильды Вреде, безмолвно свидетельствуя о любви и благодарности арестанта.

Этот подарок действительно оказался последней работой заключённого. Вскоре у него началось кровохарканье и такая слабость, что он должен был всё время лежать. Матильде удалось посетить его ещё один раз, в 1891 году, когда она возвращалась на пароходе из Англии. Пароход «Капелла» остановился на

несколько часов в Або. Она поспешила в Каколу и узнала, что её друг лежит при смерти. Когда она вошла к нему, его измождённое, бледное лицо озарилось светлой улыбкой, и он прошептал: «Спасибо, последнее спасибо». Матильда, как могла, старалась подкрепить его и подготовить в последний путь к границе вечности. Она тихонько гладила его руку до того момента, когда ей нужно было спешить на пароход. На следующий день в Каколе стало одним заключённым меньше.

Кто во Христе, тот истинно свободен -
Спокоен, счастлив, радостен, богат.
Ведь к вечным благам путь ведёт Господень,
Кто им идёт, тот Иисусу брат.
Пускай в тюрьме чахоточное тело,
Пускай закрыт законом смелый рот.
Душа бы только ласточкой летела.
Свобода духа выше всех свобод.
Мы говорим о равенстве народов.
Мы за свободу хоть на эшафот!
А истина и вечная свобода -
Та, что Христос спасённому даёт.

В. К.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Картинки из тюремной жизни

В Кейру был зверски убит один пожилой человек. Убийца был арестован, но дело было такое запутанное, что судебный процесс затянулся на длительное время.

Матильда Вреде познакомилась с подсудимым в следственной тюрьме. Он удивительно быстро проникся доверием к ней, и однажды тяжесть греха настолько одолела его, что он, охваченный страхом, признался во всём перед нею и Богом.

Матильда посоветовала ему на следующем заседании суда откровенно и честно признать свою вину. Он ответил: «Я, пожалуй, был бы готов это сделать, но мне никто не поверит, слишком уж часто я говорил неправду». Я верю вам целиком и полностью, - сказала она, - я напишу судье и удостоверю его в том, что убийство произошло именно так, как вы опишете его на следующем допросе. Понимаете ли вы, что я этим самым за вас поручаюсь?» «Да, я понимаю, и это ваше удивительное доверие принуждает меня к откровенному и полному признанию». Тогда Матильда написала председателю суда, как обещала заключённому, и они оба с трепетом ожидали, что из всего этого выйдет.

С благодарным сердцем и почти гордясь своим другом, Матильда узнала позже, что обвиняемый действительно во всём признался. Когда они потом встретились, то с глубоким волнением пожали друг другу руки. Он был приговорён к пожизненному заключению, и милосердный Бог помог ему нести это бремя.

В течение последующих нескольких лет он постепенно рассказал Матильде всю свою жизнь. Когда однажды речь зашла о его матери, Матильда спросила, было бы ли ему приятно, если бы она посетила его мать, являясь как бы живым письмом от него. Он принял её предложение с благодарностью и попросил передать привет другим близким для него людям.

По пути туда Матильда встретила в поезде с тогдашним директором государственных железных дорог Финляндии. Во время их беседы речь зашла о цели её поездки к матери заключённого. Директор, который случайно хорошо знал ту местность, где жила старушка, спросил «друга заключённых», как она намерена туда добраться по тамошним непроходимым дорогам в разгар весеннего половодья. Она ответила: «На подводе или на санях, верхом или пешком, но как-то я должна буду добраться туда!»

«Это невозможно! - с улыбкой возразил директор, - но позвольте мне облегчить вам положение, насколько это возможно...». Когда она услышала, что директор приказал остановить поезд в определённом месте, как раз напротив села, куда она направлялась, и кондуктор должен был помочь ей быстро выйти из вагона, ей сперва всё это показалось забавным, а потом, увидав в этом «перст Божий», она радостно поблагодарила заботливого директора.

Когда приготавливавшие свои поля к посеву крестьяне увидели, что поезд вдруг остановился в незапланированном месте, они решили, что что-то случилось, и поспешили на помощь, но пока они добежали, поезд уже ушёл.

Матильда стояла на путях, а напротив неё, по другую сторону широкого, полного воды, рва стоял домик старушки, матери заключённого, к которой она направлялась. Один из рабочих пришёл ей на помощь, и вскоре она благополучно, хотя и с промокшими ногами, стояла перед старой, убитой горем матерью и передавала ей живой привет от её сына.

Спустя несколько часов, по приказу директора железной дороги за Матильдой приехала дрезина, на которой ей привезли дорожный плед, и она вернулась на исходную станцию. Для старушки-матери привет от сына был огромной радостью и утешением. Вскоре, однако, она заболела и умерла.

Когда темно вокруг и выхода не видно,
Отчаянье своё Спасителю отдам.
И Он откроет путь, и я упыюся видом,
Представленным моим заплаканным глазам.
О верная рука, надёжная, как камень!
О вечная любовь, доступная всегда!
Я за Христа держусь обеими руками,
Охотно навсегда всю жизнь Ему отдам.

В.К.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Картины из тюремной жизни

Заключённые тюрьмы в Каколе любили хотя бы один раз в неделю порадовать чем-нибудь Матильду Вреде. В воскресенье они приглашали её в общий зал, в котором умещалось восемьдесят мужчин, специально отобранных для пения на похоронных богослужениях.

Когда она входила в зал, певцы выстраивались ровными рядами по обе стороны зала вдоль стен и были готовы начать пение. Матильда кланялась то вправо, то влево и пожимала протянутые ей руки. Затем ей полагалось занять место посреди зала. Для предоставления полного удобства и соблюдения чистоты заключённые застилали её стул чистым полотенцем, предназначенным исключительно для этой цели.

Как только Матильда садилась, хористы начинали петь одну за другой те песни, которые могли особенно импонировать Матильде. Чувства мешались в её душе при слушании этого пения. Она знала, сколько невысказанного горя и глубокой душевной нужды таилось в сердцах певцов. Прежде чем покинуть их в такие дни, она всегда пыталась перевести их мысли на что-нибудь такое, что могло бы оторвать их от однообразия тюремной жизни.

Однажды один заключённый начал рассказывать о тяжёлом голодном времени, после которого из всей его большой семьи только он один остался в живых. Беседа сразу же перешла на тяжкие времена, и Матильда вспомнила об одном своём путешествии в северную Финляндию и о том, какую ужасную нужду нашла она там среди страждущих от голода семейств, разбросанных далеко друг от друга. Она вспомнила, как ей предлагали всякого рода хлеб - то с примесью молотой коры, то соломы и корней лилии калы... Она решила отсюда развить свою беседу.

«Вы все знаете, как выглядит этот цветок, растущий у могил и во влажных местах. Я люблю эти цветы больше всех других цветов. Из пучка густых тёмно-зелёных листьев к небу и солнцу тянется чашечка белого прекрасного цветка как бы для того, чтобы наполниться теплом и светом. Дорогие мои, как мне хочется уподобиться этому цветку, такому белому и чистому, тянущемуся своей нежной чашечкой с жёлтым пестиком к свету, к небу! Мы, люди, подобны цветам со многими листьями самовлюблённости, неправды, зависти, но и с другими листьями - кротости, красоты, любви и благородных желаний. Только последние более или менее неровны, разделены, никогда не целы. Вспомните, что говорится о хитоне Христа. Он был без шва, сотканный сверху донизу! Таким был Его характер - цельный, совершенный! Мы же так расщеплены, разорваны, раздроблены... Но это можно изменить, потянувшись к единому, чистому, совершенному. Иисус, мой Избавитель, может и хочет помочь нам в этом. Он может сделать нас подобными Себе, родственными Его характеру. Он совершает это силою Своего Святого Духа».

Вот так просто Матильда перешла от грусти и безнадёжности к вечной надежде во Христе. Это умение переводить тему с негативного на позитивное она развивала постепенно, учаь на опыте в обращении с заключёнными, такими разными и в то же время такими одинаковыми в своей судьбе и положении, в своей общей нужде во Христе и Его спасении.

Заключённые притихли. У некоторых на глазах заблестели слёзы. Все поняли, о чём говорила Матильда, и ждали удобного случая поговорить с нею наедине, зная, что она посещает всех или назначает приёмы.

Однажды Матильда снова назначила один из своих очередных приёмов для заключённых в Каколе. Начальство никогда не возражало против её приёмов, видя положительные результаты её бесед с заключёнными.

Арестанты заходили к ней один за другим. Один из них показался ей необыкновенно симпатичным молодым человеком. Это обстоятельство обрадовало Матильду, потому что она решила, что он пришёл поговорить с ней о духовных вещах. Но когда он заговорил, она сильно смутилась.

Глядя ей прямо в глаза, он спросил Матильду: «А знаете ли вы, барышня, как заключённые контрабандным путём проносят в тюрьму табак?» Последовало подробное описание этого строго запрещённого предприятия. Матильда была разочарована. Несколько раз она пыталась его прервать, но эти попытки были напрасными, и ей пришлось выслушать всё до мельчайших подробностей о тех уловках, какие пускают в ход заключённые, чтобы получить нужное почти всем им курево.

Наконец Матильда топнула с досадой ногой и воскликнула: «Тихо! Хватит! Я не желаю больше ничего слышать об этом. Я считаю такую контрабанду преступной. Неужели вы не знаете, что если я расскажу об этом начальству, это повлечёт за собой большие неприятности?»

Молодой человек стоял спокойно прямо перед Матильдой, и в его позе было что-то благородное и уверенное. Он сказал: «Ну, разве вы совсем не понимаете, барышня, для чего я рассказываю вам всё это? Сколько лет вы уже заботитесь о заключённых и о наших семьях! Вы помогаете нам во всех отношениях и называете нас своими друзьями, а теперь мы решили принести вам доказательство нашей любви, нашего уважения и полного доверия к вам. Мы доверили вам все наши тюремные уловки и, тем самым, отдали себя совсем в ваши руки, потому что мы вполне уверены, что вы не будете злоупотреблять нашим доверием. Ведь мы знаем, что вы никогда не будете поводом к тому, чтобы кто-то из нас был наказан».

Он взял руку Матильды, крепко пожал её и прибавил: «Теперь вы знаете наши тайны».

Когда Матильда осталась одна, всё внутри у неё ликовало: «О, мои чудные мальчики! Я не могу одобрить ваших поступков, но ваше доверие делает меня счастливой, и если бы меня разорвали на куски, я ни за что не выдала бы того, что вы мне с любовью доверили!»

После приёма Матильда отправилась навестить одного пожизненно заключённого в его одиночной камере. Собравшийся отпереть для неё камеру сторож предупредил: «Он сегодня в ужасном настроении. Сегодня, барышня, не следовало бы к нему заходить. Он придумал себе что-то особенное. Как только он слышит, что ключ поворачивается в замке его дверей, он хватает кружку с жидким пивом и выплескивает её навстречу входящему, кто бы это ни был. Мы- то уже привыкли к его зловредным шуткам, но вы...». «Хорошо, что вы привыкли, а теперь откройте мне двери, и я войду к нему».

Дверь открылась, но выплеска не последовало, потому что кружка была уже пуста. Матильда вошла. Арестант не поздоровался с нею, не подал ей руки в ответ на протянутую ему руку. «Что это значит?» - спросила Матильда мягко. «Я сердит и не желаю сегодня разговаривать с барышней. Я прошу оставить меня в покое».

Матильде сделалось нестерпимо жалко этого человека. Она положила руку ему на плечо и заговорила с ним так нежно, как никто никогда не говорил с ним даже в детстве. Он успокоился, и прежде, чем покинуть его, Матильда предложила прочитать с ним Новый Завет, подаренный ему ею ранее. Он ответил, что охотно бы согласился, если бы не запустил свой Новый Завет в голову надзирателя, когда тот входил к нему последний раз, после чего у него его отобрали. Матильда подарила ему другое Евангелие. Он взял его и с благодарностью сказал: «Вы можете быть уверены, барышня, что этот Новый Завет я не выброшу и буду читать его постоянно». Матильда оставила его в уверенности, что он сделает это.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Судьбы людей

Мальчиком этот человек был милостивым, нежным и разносторонне одарённым, более всего - музыкально. Сидя дома, он рисовал или пел, или высказывал такие мысли, которые заставляли его родителей удивляться. «Мальчик необычайный, - говорил отец, - он думает о таких вещах, которые мне никогда не приходили в голову».

Когда мальчик подрос, его послали учиться в школу, но это нисколько не изменило его. Он оставался таким, как прежде. К шестнадцати годам он безуспешно посетил несколько школ и всюду был найден ненормальным. Никто не знал, что с ним делать, и, наконец, его отдали служить во флот. Он стал моряком.

Мужая, мальчик становился неистощимым юношей, а потом мужчиной. Табак и крепкие напитки были противны ему, и он не принимал участия в занятиях своих товарищей- моряков. Его жизнь протекала одиноко, и только под открытым звёздным небом, на свежем воздухе, когда буря сотрясала корабль или когда она стихала до полной тишины, и море становилось гладким, он слышал голоса, которые никто другой не слышал, и созерцал вещи, которых не видели его товарищи.

Он видел Божии чудеса на море и в небесах и слышал захватывающие душу прекрасные мелодии, наполнявшие всё его существо сладкой грустью.

Товарищи смеялись над ним, но он не беспокоился об этом и не обращал на них внимания, привыкнув к тому, что его давно никто не понимает. В работе он был настолько исполнительным и добросовестным, что никто не мог ни к чему придраться.

Проходил год за годом. Жизнь бросала его то туда, то сюда, из одного конца земли в другой. Он переживал редкие приключения, кораблекрушения и путешествия через непроходимые джунгли Бразилии. Некоторое время он провёл на тростниковой плантации на берегу Амазонки. Здесь его жизнь не раз подвергалась опасности. Однажды, купаясь в реке, он вдруг обнаружил, что купается в нескольких шагах от целого семейства крокодилов, расположившихся на песчаном берегу реки. Он вышел бесстрашно на берег и возблагодарил Бога за избавление от смерти. С берегов Амазонки он попал в Северную Америку, но нестерпимая тоска по родине возвратила его обратно в Финляндию.

Его мятущаяся душа жаждала любви и понимания, но и дома, среди тех, кого он сам любил, он не нашёл желаемого и оставался одиноким. Он так резко отличался от всех вокруг него!

Однажды вечером, когда он уже засыпал, до его слуха донеслись звуки плача его младшей сестры. Она только что возвратилась домой откуда- то и была в явно расстроенных чувствах. Когда он спросил её, в чём дело, она рассказала ему, что один молодой человек, который давно преследовал её, добиваясь её любви, подследил за ней в тёмном подъезде и так крепко схватил, чтобы поцеловать её, что она еле-еле вырвалась от него. Выслушав всё это, молодой человек сильно задумался над случившимся с его сестрой. Он был старшим в семье и чувствовал, что несёт ответственность за безопасность младшей сестры.

На другой день сцена повторилась. Сестра снова прибежала домой в слезах, и брат снова провёл бессонную ночь. Мысли мешались у него в голове, беспокойство и страх за сестру охватили его, и он начал думать о том, как бы помочь сестре. Утром он пришёл к страшному решению: взяв револьвер, он пошёл в дом преследователя сестры... постучал в дверь, и когда ему открыли, он одним выстрелом убил этого человека.

Совершив преступление, он сразу же пошёл в полицию и сдался. Чиновник решил, что перед ним сумасшедший. Не мог же этот благородный юноша с добрым лицом быть преступником! С жалостью в голосе он сказал: «Идите домой, у нас тут и без вас дел много». - «Но я убил человека!» - утверждал молодой человек. Чиновник по-прежнему не обращал на него внимания. «Я застрелил человека», - повторил юноша, и в это время по телефону сообщили, что по такому- то адресу произошло убийство. «Я прямо оттуда пришёл», - сказал юноша, посмотрев на чиновника своими чистыми, ясными глазами. Его пришлось арестовать.

Матильда Вреде познакомилась с ним в тюрьме, и её мягкое сердце сразу же наполнилось состраданием и любовью к нему. «Я, который не мог без сердечной боли наступить на муравья, убил человека?» - стонал он про себя в одиночестве своей камеры. Его мозг, наконец, не выдержал давления, и

он серьёзно заболел. Для Матильды наступило напряжённое время. Она сидела у его постели ежедневно и, как мать, старалась утешить и развеселить его.

Однажды, следуя побуждению сердца, Матильда обратилась к одному врачу, специалисту по нервным заболеваниям, и попросила его посетить больного. Врач пришёл и, найдя состояние больного опасным, посоветовал не оставлять его одного. Но кто же будет день и ночь сидеть с больным? Матильда поняла, что его нельзя оставлять в такое трудное время, и решила, с разрешения начальника тюремной больницы, стать его сиделкой. Ночь была трудной и бесконечно долгой. Больной жаловался, громко стонал и плакал. Мертвенно бледный, он стоял, прислонясь к стене.

«Почему бы вам не прилечь, дорогой друг?» — спросила Матильда. «Я должен стоять, потому что я дерево», - ответил он. «Но дерево устало и ему нужно отдохнуть», - сказала Матильда как ни в чём не бывало, и, взяв его за руку, медленно потащила к кровати. Не сопротивляясь ей, он дал себя вести, но не пожелал садиться. Ей пришлось подтолкнуть его слегка, чтобы он опустился на кровать. Сторож помог уложить больного, и Матильда села у его кровати. «Теперь лежите тихо и попытайтесь уснуть, я обещаю вам, что никуда не уйду и буду здесь всю ночь», - сказала она спокойно, но уверенно.

Врач выписал успокоительное лекарство, но больной всё равно не мог спать. Он держал Матильду за руку и рассказывал ей всю свою прошлую жизнь - всё то, что терзало и мучило его больную душу. К рассвету кризис прошёл, но поправка шла очень медленно. Работа в тюрьме начиналась рано, и Матильда могла теперь уйти к себе домой. Мучения этого юноши давили её, затронув глубоко её доброе сердце, и девушке казалось, что она уже никогда не сможет улыбаться.

На улице она встретила пьяного, и то, что первым свободным человеком в тот день оказался именно пьяный, сильно встревожило и без того расстроенную Матильду. Человек остановился и, собрав все свои умственные способности, прерывисто сказал: «В 1891 году вот эта женщина была Матильдой Вреде, разве что с тех пор она вышла замуж, - и почти плача, добавил, - как же мне узнать, как её теперь зовут?»

У Матильды проснулось природное чувство юмора, и она ответила:

— Я та же Матильда, что была многие годы назад. А вот вы кто?

— Я Л., неужели вы меня не узнали?

— Как же можно узнать вас в таком виде? Вы что, без работы? - спросила Матильда.

— Нет, я работаю на прокладке асфальта.

— И что, прилично зарабатываете?

— Да, вполне прилично.

— Значит, кладёте что-то в банк?

— Да, я ношу порядочно в банк, только в пивной.

— Но, Л., это же ужасно печально! Если у вас нет силы воли не тратить деньги на пиво, отдавайте их мне, и я положу их в настоящий банк на хранение, - предложила Матильда.

— О, нет, барышня, мне это не нужно, я привык к пиву и должен иметь его, пока ещё возможно.

— Пока возможно?!

Эти слова вонзились в душу Матильды, и она подумала: «До каких пор будет ещё предоставляться эта возможность покупать напитки, которые отравляют весь организм, разрушают семьи, души и тела?»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Судьбы людей. Продолжение

Вскоре её вызвали в качестве свидетеля на суд над молодым человеком, которого она так хорошо знала и чьим доверием полностью обладала. Когда пришло время давать присягу, она отказалась. Чиновник задал ей вопрос:

— А что, если я вам скажу, что все граждане Финляндии обязаны приносить свидетельскую присягу на суде? Вы не откажетесь?

Нет, откажусь, потому что Библия запрещает приносить клятву. В ней говорится: «Да будут слова ваши «Да» - да и «Нет» - нет, а что сверх этого, то от лукавого». Ту же правду, которую я сказала бы с присягой, я скажу и без присяги.

— Барышня, вы, может быть, принадлежите к какой-нибудь секте, где запрещают присягать? - спросил чиновник.

— Нет, я родилась лютеранкой и ныне я тоже лютеранка и рождённая свыше христианка, и моя совесть не позволяет мне произносить клятву. Тогда чиновник согласился вести дело дальше без присяги.

Спустя некоторое время в газетах писали: «По рекомендации Верховного Суда местный суд отменил присягу Матильде Вреде». Решением суда обвиняемый был отправлен под наблюдение в психиатрическую больницу, после чего должен был отбыть восемь лет в Карольской тюрьме в Або. Заключённый оказался способным в резьбе по дереву, и многие его вещицы можно было купить в тюремной лавочке, куда сдавали свои изделия и другие одарённые узники.

Однажды кто-то передал Матильде от него изящно выточенную деревянную ложку с нарисованным на ней жёлтым цветочком. Когда она пошла поблагодарить его за подарок, он рассказал ей следующую историю: «Из моего окна виден пыльный немощёный сухой тюремный двор, и вдруг я заметил, как из трещины земли пробивается росточек какого-то растения. Я начал наблюдать за его ростом, надеясь, что никто не раздавит его подошвой ботинка, но, видать, что и те, кому разрешалось гулять по двору, тоже заметили этот кусочек жизни и глядели на него с радостью и удивлением, боясь наступить на него. Сперва появились два листочка и, полные надежд, потянулись вверх к солнцу. Потом появился бутончик и, наконец, жёлтый цветочек, сам похожий на солнышко, с лепестками, торчащими в разные стороны, как лучики. О, как я полюбил этот цветочек! Издали я не разглядел, что это одуванчик, но когда цветок отцвёл, он превратился в мягкий, пушистый шарик, состоящий из семян, которые должны были разлететься по всему двору.

Я решил нарисовать для вас этот цветок, барышня, потому что вы так похожи на него. Вы решились прийти сюда, в это место печали, горя, греха и нечистоты, и подарили нам радость и свет. Вы посеяли много добрых семян здесь, в Каколе, и можете ожидать много всходов.

Когда Матильда снова посетила его, она сказала с большим участием: «Я попытаюсь подать прошение в сенат. Может быть, ваш срок удастся сократить». Заключённый промолчал, но при следующем посещении она нашла его в подавленном настроении. Он тёр себе лоб и говорил: «Я так хорошо относился к вам, барышня, а теперь уже никогда не смогу доверять вам. Ведь Бог Всеведущ и знает, что я приговорён к восьми годам тюрьмы. Может ли кто-нибудь в мире изменить этот приговор? Как можете вы, барышня, будучи верующим человеком, подумать, что сможете противостоять тому, что установлено Богом?»

Время его заключения было долгим, но он знал, что заслужил его своим преступлением, и потому нёс это наказание безропотно, добросовестно и спокойно, с простой и чистой детской верой в Божье водительство.

Однажды несколько важных начальников посетили тюрьму в Каколе и заглянули в его камеру.

— Камера тесновата, - сказал один из них, окинув взглядом одиночку. Заключённый ответил, что всё зависит от того, кто в ней живёт. Для слона она действительно тесновата, а для муравья велика, но для такого человека, как он, как раз впору. Начальники удивились такому точному объяснению и удовлетворённости заключённого теми условиями, в которые он был помещён.

— Вы что, барышня, на дьявола в обиде? - спросил он однажды Матильду.

— Да, пожалуй, я была в обиде на него, - ответила Матильда.

— Это несправедливо, - сказал он.

— Почему же?

— Да потому, что никто не мог бы оценить доброту Бога во всей её полноте, если бы ей не было противопоставлено что-то обратное. Нужны полный свет и полная тьма. Дьявол исполняет полезное дело, и мы должны быть благодарны за это.

В другой раз у него сильно разболелась голова, и Матильда застала его тихо сидящим в углу на стуле в явно подавленном состоянии.

— Ну, как же вы сегодня? - спросила она.

— Да... вот мне жаль директора и служащих тюрьмы, уж очень у них унижительная служба. Всё время иметь дело с преступниками должно быть очень трудно.

Матильда не могла не согласиться, но не стала вдаваться в подробное обсуждение этого вопроса. Он показал ей нарисованную им картину, на которой было изображено кладбище с разными надгробиями. Между могилами виднелась женская фигура под зонтиком. Женщина рассматривала что-то под ногами, как бы чего-то ища.

— Это Матильда Вреде ищет свою могилу, - сказал заключённый, - так много разных памятников на могилах! Есть высокие, видные мраморные памятники, но они выглядят так холодно и самоуверенно и говорят громким, гордым тоном, выражая чью-то нечистую совесть. Возможно, что похороненные под ними люди получали при жизни мало любви от ближних, а теперь, когда уже слишком поздно, кто-то пытается наверстать потерянное, упущенное, не проявленное вовремя внимание. И есть ещё белые кресты, а под ними покоятся люди с чёрной душой. Тут и там скромно стоит простой деревянный крестик, а под ним, кто знает, может быть, лежит человек, который был великим в очах Божиих. Всевозможные духи парят над кладбищем.

Такие рассуждения вслух глубоко трогали душу Матильды, и ей часто приходил на память стих из Священного Писания: «Ты справедливее меня».

Даже сам директор тюрьмы заинтересовался этим необыкновенным заключённым. Однажды, назвав его для разнообразия просто по имени, директор получил в ответ простое «дядя», а когда обратил внимание заключённого на эту его оплошность, тот рассмеялся по-детски невинно и чисто и сказал, что он забыл, с кем говорит, и забыл, что он заключённый.

Матильда часто говорила об этом заключённом с директором, обращая его внимание на то, что этот молодой человек никогда не лжёт и всегда старается быть исполнительным и добросовестным в порученных ему делах. Они оба соглашались, что он подлежит амнистии, но если таковая придёт, ему нужно будет объяснить всё так, как будто бы сам кайзер приказал освободить его раньше срока, иначе он способен отказаться от свободы.

Амнистия действительно пришла при рождении наследника, и приговорённый к восьми годам получил свободу раньше назначенного срока. Он уехал в Америку, но ещё несколько раз посещал Финляндию, и его дружба с Матильдой росла и крепла. Она неоднократно выручала его, а он иногда помогал ей, считая её для себя дорожее всех родственников, которые не понимали его и только смеялись над ним. «Мы истинные друзья в Господе, - любил он говорить ей, - мне не трудно прощаться с вами, потому что земля так мала и время так коротко, что когда люди близки по духу, совсем не важно, что они не могут всегда видеться. Настоящей разлуки нет. В духе мы всегда вместе, и уж, конечно, будем навсегда вместе в вечности».

Таким был этот чувствительный и мало кем понятый человек. Глубину его душевного богатства и мудрости знала только Матильда, да и то только отчасти и потому, что она не избегала людей, во всех искала искорку добра и всегда находила её.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Что пользы от жизни?

В одной из местных тюрем Матильда Вреде познакомилась с молодым заключённым, который был как-то особенно симпатичен на вид. Тюремная одежда была сохранена в большой опрятности и сам он держался прямо, гордо и даже надменно. Тонкие черты лица выдавали в нём интеллигентного человека. Зная, для чего Матильда приходит в тюрьму, заключённый холодно ответил на её первое приветствие, сочтя это за «попытку» обратить его.

Матильда пыталась завязать разговор, но молодой арестант оставался скупым на слова и рассеянным. Заметив, что он часто прикладывает ладонь к щеке, она спросила его, не болен ли он. «Да вот зубы беспокоят меня, но я считаю, что это только способствует смягчению моего унижительного положения, потому что чем сильнее боль, тем скорее я забываю, где я нахожусь. Ведь всё пропало - моё имя опозорено, мой путь прерван, я потерял всех друзей, лишился будущего и денег, т.е. всего, буквально всего!!!»

«Если к концу вашего срока я буду ещё в живых, - сказала Матильда, - вы будете иметь друга, на которого вы сможете рассчитывать». Он только улыбнулся в ответ, а она продолжала: «Я помогу вам, обратитесь ли вы ко Христу или нет». По лицу заключённого пробежала лёгкая тень пробудившегося

доверия, и, когда Матильда встретила с ним опять, он заговорил с ней первым и притом с почти радостным волнением. «О, как различны люди! - воскликнул он, - один придёт к тебе как друг и товарищ и поможет забыть серую действительность, а другой только разбередит раны своим неуместным любопытством».

Постепенно он начал открываться Матильде и рассказывать ей всё то, что мучило его: «Когда регулярный тюремный капеллан- проповедник посетил меня впервые, сразу же посыпались вопросы: «Как тебя зовут? За что сидишь? Сколько лет получил?» И приказы: «А ну-ка, принеси стул и поставь так, чтобы свет не бил мне в глаза.» Пастор сел, велел мне, грешнику, стоять и продолжал свой допрос:

— Читать можешь?

— Да.

— Окончил школу?

— Нет.

— Принеси вон ту книгу.

Я принёс ему Евангелие, и пастор велел мне читать. Я бегло прочитал один стих. Пастор прервал чтение вопросом:

— Ты, наверное, посещал народную школу?

— Но какую же школу ты посещал?

— Шведскую гимназию.

Пастор смутился, но сделал ещё несколько нетактичных замечаний.

— Ага, из образованных, значит!..

С тех пор я перестал доверять духовным лицам, избегая их вопросов».

Будущее выглядело безнадежным в глазах этого умного юноши, и он упал духом. Матильда, по своему обыкновению, пыталась дать его мыслям другое направление. Она показала, что понимает его и сочувствует ему, и, как могла, помогала ему духовно. Она начала преподавать ему английский язык и посоветовала выражать свои мысли в стихах, но стихи у него получались грустные:

Как долго мне ещё безропотно страдать

И бремя тяжкое в бессилии нести?

Что толку от желаний? Зачем жить,

Когда путей нет силы различать?

Счастливые мечты свой потеряли путь,

Надежда в сердце страшно охладела,

Судьба мне жизнь мою делить велела

С людьми, которые для мира не живут.

О, если б мог я прошлое забыть!

Зачем страдать? Зачем ещё мне жить?

Во время ежедневных прогулок осенью он заметил, что головки цветов на грядке поникли и замёрзли после ночных заморозков. Когда Матильда пришла посетить его и вошла к нему в камеру, он протянул ей лист бумаги, на котором было написано:

Надо мною солнце мне дарит тепло,

Я же сер, по - нищенски убог.

Нежненьких цветочков сколько полегло

От мороза, что их не сберёт!

Так и жизнь моя сей раннею порой

От мороза на землю легла.

И своей пустой, холодной душой

Я не чую солнца и тепла.

Матильда была тронута до глубины души всем, что открывали ей размягчённые до откровенности узники. Она всеми силами старалась не подрывать их доверия, чтобы дверь их души оставалась всегда открытой на случай, когда Господь предоставит возможность сказать им что-то о Нём и привести их к спасению.

Сколько осторожности и такта нужно иметь тому, кто свидетельствует неверующим о Христе! Пример Матильды Вреде учит нас, живущих более ста лет спустя, что ни в коем случае нельзя ломиться силой, нужно молиться и терпеть, пока сам Господь откроет возможность положить Его живое семя на добрую почву размягченной души.

Каких только благородных душ не приводилось Матильде встречать среди узников! Сколько глубоких, полных страдания мыслей, сколько честной борьбы с самим собой! Её возмущали методы начальства, которое силой пыталось сломить волю преступника, нередко подавляя и убивая в нём самое лучшее, то, что помогает сохранить человеческое достоинство. Она старалась помочь узникам развить их способности и таланты и восстановить веру в себя и в Бога. Её труд не был лёгким, но не был и бесплодным. Она была подлинно другом заключённых.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Разные люди - разный подход

Матильда Вреде посещала тюрьму ежедневно, и её беседы с заключёнными занимали самую значительную и трудную часть её дней. Когда она начинала своё служение в тюрьмах, она была ещё совсем молоденькой девушкой, ей не было и двадцати лет, но она уже обладала теми исключительными качествами, которые необходимы для общения с людьми: огромным пониманием человеческой психологии, непосредственным глубоким знанием Божьего Слова, исключительной нежностью и тактичностью в обращении, искренним состраданием к этим несчастным людям. Казалось, что искра Божественной любви зажглась в её сердце для того, чтобы она могла любить заключённых и служить именно им.

Она великолепно усвоила одно: только то, что от сердца, доходит до сердца. Только тогда, когда она достигала сердец заключённых, она могла начинать помогать им, и её служение становилось плодоносным и эффективным. Когда тяжёлые двери камер закрывались за нею и она оставалась наедине с узником, она чувствовала себя, как золотоискатель на приисках, которому нужно было прогребсти через стопудовое наслоение разных пород, чтобы добраться до жилки драгоценного металла и потом вынести его на свет. Или, как копатель колодцев, который знает, что за глиной и песком кроется прохладная, чистая грунтовая вода, и он копает и копает, пока не докопается до нужного уровня в недрах земли. В каждом человеке этот уровень был на другой глубине, чем у его соседа, и подход был к каждому разный.

Матильда берегла себя от однообразия в своём служении, как от чего-то вредного, и как жаль, что мало кто понимает и ценит значительность такого индивидуального подхода к людям. Несмотря на то, что трактаты и открытки со стихами из Библии были всегда при ней, она не всегда прибегала к их раздаче, а чаще просто говорила с людьми о Боге и спасении, и её слова были подобны словам Божиим, потому что были заложены в её сердце Богом из Его вечного Слова.

Матильда глубоко верила, что слова Апостола Павла «Слово Христово да вселяется в вас обильно со всякой премудростью» имеют прямое отношение к верующим, которые будут носить это Слово в сердцах для того, чтобы в нужный момент применить его во спасение неверующим.

Матильда знала, что за тяжёлыми тюремными дверями сидят люди не какой-то особенной расы или класса, но такие, как она сама, только их греховная природа, не рождённая ещё от Духа Святого, оказалась сильнее их воли и поборола её. Возможно, что это случилось с ними в силу их жизненных условий, не таких, как у Матильды или у нас с вами.

В одной из камер Матильда нашла сидящего на краю койки пожизненно заключённого. Когда она вошла, он повернул к ней своё суровое и упрямое лицо, слегка выдавая тем самым удивление, что на этот раз его посетила женщина, но он быстро поймал себя на этом и повернулся лицом к окну.

Для того, чтобы как-то завязать разговор, Матильда протянула ему один трактат и спросила, не желает ли он прочитать его тогда, когда ему будет удобно. Он посмотрел на неё с возмущением в глазах и громко сказал: «Что это вам стрелнуло в голову посещать меня? Зачем вы пришли сюда! У вас такой радостный и счастливый вид, что невольно чувствуешь, что вам здесь не место! Что вам нужно?»

Матильда ответила, что она действительно вполне счастлива, но только потому, что испытала на себе Божью любовь, и теперь ей хочется поделиться этой радостью с другими. Заключённый повёл плечами и

угрюмо сказал: «Значит, вы верите в такие вещи, а я вот совсем не верю. Я думаю, что, может быть, такую милую девушку, как вы, Бог действительно любит, но вряд ли он любит нас, грубых преступников, арестантов. Я уверен, что Ему не до нас».

Матильда уверила его в том, что Библия говорит об этом совсем другое, и что она будет молиться, чтобы Бог открыл ему глаза на истину, и посоветовала ему тоже молиться об этом.

«Нет, я не буду молиться! - ответил он - Я не верю, что Бог меня слышит, и хотя я очень скверный человек, я всё же не могу лицемерить. Я считаю молитву без веры кощунством».

Матильде понравилась его откровенность, но она не сразу узнала, как с ним поступить. Вдруг выражение его лица изменилось, и, хотя всё ещё оставалось мрачным и безнадежным, в нём промелькнуло что-то личное, внимательное. Матильда увидела, что заключённый готов поговорить с нею по душам.

«Знаете, что страшнее всего? - спросил он и сам ответил, - сидеть вот тут, запертым со своими мыслями. Когда я оглядываюсь на мою прошлую жизнь, я вижу только плохое. Я не сделал даже самой малой доли добра. Правда, иногда я помогал доставлять табак туда и сюда незаконным путём, но это было так строго запрещено, что, вероятно, не идёт в счёт, как что-то доброе. Если бы я смог вспомнить хоть какую-нибудь мелочь, одно самое малое доброе дело, мне стало бы гораздо легче переносить моё заточение».

Матильда подумала, что несмотря на то, что множество добрых дел составляет смысл нашей жизни, одно доброе дело одного Человека является нашим спасением. Ей захотелось помочь этому несчастному заключённому сделать одно доброе дело, о котором бы он потом мог долго вспоминать. Но как это сделать? Где начать? Матильда глубоко задумалась. И вдруг мелькнула мысль, она вспомнила, что по утрам заключённым приносят по кружке жидкого пива, которое они очень высоко ценят. Взяв себя за горло, она сказала: «У меня пересохло горло, не могли бы вы поделиться со мной своим пивом?» Заключённый посмотрел на неё удивлённо, кровь ударила ему в голову, но рука не потянулась к кружке. Матильда повторила просьбу, и тогда он ответил ей: «Вы шутите, не может быть, чтобы вы пожелали пить из одной кружки со мной!» Матильда вспомнила колодец в Самарии, на срубе которого сидел усталый Путник, где женщина с дурной репутацией спросила Его: «Ты просишь у меня воды? Ты, иудей, просишь пить у меня, самарянки? Ведь иудеи с самарянами не общаются!»

Заключённый продолжал: «Дочь губернатора Вазы не может пить из одной кружки с преступником. Я знаю, насколько щепетильны и брезгливы дочери губернаторов в этом отношении. Здесь были как-то две такие персоны со своим отцом. Они подняли свои юбки высоко, чтобы не задеть ими пол, хотя он был только что вымыт, и смотрели на нас так, как будто бы у нас чума. Они не только не пили нашего жидкого пива, но даже не спрашивали о нём, и я знаю, что они никогда не попросили бы его у нас». Матильда настояла на своей просьбе, и ему пришлось протянуть руку к грязной кружке на полке и подать её барышне. Когда её губы прикоснулись к краю кружки, лицо заключённого просияло на одно только мгновение, которое не ускользнуло от взора Матильды. Когда она возвратила кружку и поблагодарила его за пиво, он сказал: «Благодарить меня не за что, но сегодня у меня очень удачный день!» Она ушла от него с мыслью, что когда-нибудь этот «самарянин» обратится к ней за помощью, и тогда она скажет ему, как научиться пить из более содержательного сосуда, чем пивная кружка.

С тех пор Матильда регулярно посещала его и вскоре пережила в его камере нечто весьма удивительное. Однажды она застала его в возбуждённом состоянии, он бегал по своей узкой камере из угла в угол и, казалось, не находил себе места. Он почти не замечал её присутствия, но вдруг совершенно неожиданно уставился на неё с недоумением во взгляде и громко сказал: «Вы знаете, что я не мыслил зла, и вы вполне доверяете мне, не правда ли?» Он остановился и посмотрел на Матильду с выражением беспомощного страха. «Сегодня я поднялся до своего оконного отверстия и заглянул в него... и там, после долгих восьми лет я увидел женщину!» Он говорил возбуждённо, а перед ним в камере стояла молоденькая девушка, и они были совершенно одни. Не без волнения в голосе он спросил её, сознаёт ли она, что ей грозит опасность, о которой она вряд ли что-нибудь знает?

«Пожалуй, да, но это сознание пересиливает чувство чудесной, полной уверенности, что меня охраняет Бог и что заключённые не видят во мне женщины», - ответила Матильда, - и их глаза встретились.

В его взоре было только глубокое уважение и признательность, но ни малейшей тени того, что свойственно вождьленному взгляду мужчины.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Господь действительно охранял Матильду даже в самых ужасных условиях и в присутствии самых опасных преступников. В одной из камер сидел закованный в кандалы и цепи убийца. Начальник тюрьмы говорил, что он не поддаётся ни словам, ни ударам, а сам по любому поводу и всякой возможности колотит других. Его камера почти пуста, и он закован в тяжёлые цепи по рукам и ногам. В таком железном одеянии он находится вот уже полтора года.

Когда Матильда вошла к нему, он встретил её злым взглядом и, увидав, что она одна, выразил удивление, но в разговоры он никогда ни с кем не вступал. Потупив взор, он лежал на полу и вдруг услышал, что она позвала надзирателя и попросила стул. Страж посмотрел на неё удивлённо: «Нельзя, он непременно использует его как оружие». Матильда повторила просьбу: «Пожалуйста, принесите мне стул из моей приёмной». Покачивая головой, надзиратель явно неохотно пошёл за стулом, и пока его не было, Матильда сказала заключённому: «Встаньте». С ненавистью в глазах он послушался, решив, что она сядет перед ним на стул, как судья, а он будет стоять перед нею, как обречённый грешник.

Когда стул принесли, Матильда предложила заключённому сесть на него и сказала: «Вам будет хорошо посидеть немного, вы увидите, что отдохнёте». Непроизвольно на лице заключённого промелькнуло выражение облегчения и радости, и Матильда долго не могла забыть это выражение.

Лёд между ними дал трещину, и заключённый начал прислушиваться к словам Матильды. Вдруг, прервав неожиданно её речь, он указал на углубление в стене. «Знаете, откуда это углубление? Я скажу вам. Когда мне ещё позволяли работать в камере, я немного плотничал, но однажды мне захотелось убить моего надзирателя. Я прицелился топором в его голову, но головка топора отлетела и ударилась в стену и, как вы ещё и сейчас можете видеть, удар был порядочный». Он рассмеялся и добавил: «Я хотел расколоть ему голову до плеч. Не понимаю, как вы не боитесь, будучи такой нежной девочкой, оставаться наедине с бандитами. Вы, наверное, не знаете, что я здесь самый ужасный из всех, да и во всей Финляндии нет человека хуже меня. Вам не страшно?»

Матильда покачала отрицательно головой и сказала: «Ни чуточки. Я знаю, какой вы, но мне и в голову не приходит, что вы можете меня обидеть. Да кроме того, Бог всегда со мной, и при Его охране и защите мне совсем нечего бояться».

«Так, значит, вы христианка. Я должен признаться, что никто, никогда в моей жизни не проявлял ко мне столько добра. Странно... живёшь, живёшь, и кажется, что никому ты во всём мире не нужен, и вдруг встречается человек, который относится к тебе хорошо, доброжелательно. Я почти готов сам стать христианином, если это вообще ещё возможно...». Сказав это, он вскочил на ноги и начал со злобой рвать свои цепи и греметь кандалами. «В этом железе невозможно стать лучшим человеком! - закричал он, - оно давит меня и трёт мою кожу в кровь, и я становлюсь всё хуже и злее, и в конце концов превращусь окончательно в дьявола!» Его маленькие чёрные глазки заблестели от злобы и на миг в них мелькнуло действительно что-то демоническое.

Он резко схватил Матильду за руку и выставил за дверь. Она едва успела крикнуть ему на ходу: «Я приду завтра опять, может, у вас будет больше охоты разговаривать!»

Когда на другое утро Матильда снова вошла к нему, заключённый вытер стул, который немного запылвился, и вежливо предложил ей сесть. Когда она села, он сказал:

— Я знаю о вас, барышня, уже несколько лет, но сегодня я убедился, что вы христианка.

— Почему? - спросила Матильда.

— Потому что вы пришли ко мне сегодня после того, как я вчера почти вытолкнул вас за двери, и потому, что вы со мною по-прежнему приветливы. Я не был так зол, как выглядел, я хотел посмотреть, пожалуетесь ли вы начальству на моё плохое поведение, чтобы меня наказали. А вы не сделали этого, и сегодня вы приветливей со мной, чем когда бы то ни было.

В другой камере заключённый изготовил для Матильды маленький ботиночек из рога для хранения в нём перочинного ножичка. Надзиратель застал его за гравировкой инициалов «М.В». Гравировка была

строжайше запрещена, и виновников наказывали, но когда он узнал инициалы и что подарок был для Матильды, он смягчился и оставил дело без наказания.

Позже этот заключённый рассказывал: «Когда страж вошёл и увидел мою работу, мне было нетрудно догадаться, что мои дела плохи, но как только он увидел «М.В». и перочинный ножичек, он только улыбнулся. Видать, что «М.В». самые лучшие буквы в мире или, по крайней мере, здесь, у нас в Каколе. Без них я всё ещё сидел бы на воде и хлебе».

Однажды начальник тюрьмы позвал Матильду к себе в кабинет и показал ей носовой платок из грубой ткани, найденный у одного заключённого, который уверял, что она подарила его ему. Начальник усомнился, глядя на грубую материю, но вышитые в уголке инициалы «М.В». смутили его, и он решил спросить об этом Матильду. «О да, это мои платки. Я ношу их в кармане, чтобы давать тем, у кого насморк или кто плачет. Одна дама подарила мне несколько дюжин таких платков, и я надеюсь, что моё имя на них ограждает узников от подозрения в краже. Если начальство не снабжает заключённых носовыми платками, это вынуждена делать я». «Сколько же дюжин платков у вас ещё есть?», - спросил он. «Приблизительно пять». Начальник поморщил лоб, но вскоре заключённым были выданы тряпки, чтобы служить им платками.

Простая доброта, внимательность простая
Желание добра во всяком вызывает.
Не бойся же добром твоим делиться с братом.
Делясь, не жди себе награды и уплаты.

В. К.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мысли

Однажды Матильда посетила больничное отделение тюрьмы в Каколе. В одной палате лежали десять заключённых. Дух подавленности сковал всех больных, и Матильда ощутила эту волну, едва переступив порог палаты. Она мысленно помолилась, прося совета и помощи у Господа, не зная, как ей поступить с этими несчастными и чем их утешить.

Посреди комнаты стоял стул, и Матильда решила занять это, хорошо всем видное, место.

«Дорогие друзья, - обратилась она к больным, - знаете ли вы, что каждый из нас может при желании помочь этому миру сделать один шаг вперёд?» Заключённые смотрели на Матильду с недоверием. Она продолжала: «Известно, что своими добрыми мыслями мы можем способствовать улучшению этого мира так же, как нашими злыми мыслями можем повредить ему и ухудшить его. Видите ли, мои друзья, у нас разные мысли, и если мы даже про себя говорим, что наш начальник ужасный человек, а наш надзиратель бессердечный и несправедливый парень и т. п., то хотя бы это заключение и было верным, то наши мысли недружелюбны и мрачны, и мы свиваем сеть из горечи и ненависти, вредя тем самым себе и другим».

Некоторые больные поднялись повыше на подушках и начали более внимательно прислушиваться к словам Матильды. А она продолжала говорить: «Когда же вы мыслите о доме и друзьях, вы мысленно поднимаетесь выше и сплетаете сеть из дружбы и любви. И когда вы настраиваетесь дружелюбно, ваше настроение становится тёплым, хорошим и начинает распространяться вокруг всё шире и шире. Мысли расходятся, как волны, и, подобно ласковому прикосновению, достигают тех, кого мы любим. Но есть мысли, которые идут ещё выше и достигают Бога. Я сама испытала это. Я унаследовала буйный, горячий характер моих предков, и мне пришлось много побороться с собой. Я знаю, что многим нанесла вред и не раз огорчала своих близких и Духа Святого. Но у меня есть и добрые, дружелюбные мысли, и я дала им волю и позволила им побороть в себе злое, и тогда волна тепла охватила меня».

— Да, - сказал один больной вдумчиво, - это пережил и я, и многие здесь. Вот вчера, например, когда мимо проходил поезд, мы услышали свист паровоза сквозь открытое окно. У многих мелькнула мысль: «К нам едет Матильда Вреде», - и вот вы действительно приехали сюда этим поездом.

— Да, вот так бывает, - сказала Матильда, - но я знаю, что наши мысли могут возноситься прямо к Богу, и мы можем иметь живое общение с нашим Небесным Отцом. И когда мы общаемся с Ним и служим

Ему, оставаясь Ему послушными, мы ширим Его любовь в мире и принадлежим к числу тех, кто помогает людям продвигаться вперёд по пути мира и любви.

Матильда умолкла, и все больные сидели на своих постелях молча, каждый думая только о себе. Всем захотелось стать лучше, чище, полезней. Она встала и сказала так, чтобы все могли её слышать: «Бог да благословит всех вас и да направит ваши мысли к доброму, возвышенному, благородному». Когда она выходила из палаты, то не могла не заметить, что на глазах у многих блестели тёплые слёзы умиротворения и любви.

Из больницы Матильда перешла в тюремное отделение и посетила там одного заключённого, который оказался в удручённом состоянии. Схватив себя за голову обеими руками, он сидел в углу и, казалось, ничего не видел. Он был из тех, кто любит одиночество, кто проводит свою жизнь вдали от городского шума, на лоне природы, в глубокой тишине нетронутого человеком мира.

Ему пришлось побывать на свадьбе, где угощение было обильным и напитки разливались с большой щедростью. Напившись допьяна, он убил человека, и вот теперь стал арестантом. Страх и отчаяние охватило его душу, и он чувствовал себя самым несчастным человеком на земле.

В тюрьме он был новичком, и Матильда ещё не знала его горькой жизни. Она тепло приветствовала его, а он посмотрел на неё удивлённо, словно она прервала его благочестивые размышления. Матильда моментально почувствовала, что этот человек редко понимал своих друзей и мало кому сочувствовал, как это часто бывает с одинокими людьми. Она увидела, что и себя он не считал существом вечности, и мысленно помолилась, чтобы Господь облегчил участь этого человека.

Подойдя к нему, Матильда спросила:

— Откуда вы?

— Я из Южной Лапландии, - ответил он и назвал какое-то отдалённое место на севере страны, где как раз недавно побывала Матильда.

— Какие у вас, должно быть, прекрасные мысли! - воскликнула она.

Он ничего не ответил и только посмотрел на неё вопросительно и смущённо. Матильда продолжала:

— Там сама природа навеивает хорошие мысли, и тот, кто провёл там всю свою жизнь, по- моему, должен лучше других понимать сущность Бога.

Заключённый глубоко вздохнул и громко простонал: «Я убийца!»

Матильда исполнилась чувством глубокого сострадания к этому человеку, но решила продолжить свою мысль: «Вода в реке прозрачна настолько, что на самых глубоких местах видно дно. Это, должно быть, вызывает в людях жажду чистоты. А тот, кто побывал в лесах того края или взбирался на вершины его холмов, чтобы посмотреть на полное сияние солнца, не может оставаться мелким и должен желать внутреннего углубления и расширения мысли. Это и есть тоска по вечной сущности Небесного Отца, крик к Богу, сознаёт ли это человек или нет».

Матильда слышала, как заключённый глубоко и тяжело дышал, но не хотела мешать пробуждению его души, зная, что такие люди не нуждаются в свидетелях в момент, когда их душа борется сама с собой. Она протянула ему руку и сказала: «Завтра я приду к вам опять». С этими словами она ушла, но весь тот день не переставая молилась и думала о нём. Когда наутро она снова вошла в его камеру, он вышел ей навстречу с протянутыми руками и спросил:

— Вы что, пророчица?

— Почему вы это спрашиваете?

— Я не знал, что я мог думать о чём-то или о ком-то тосковать, но когда вы вчера заговорили о воде и горах, вы описали меня! Как вы могли знать, что я тоскую о Боге?

Они говорили, боролись и молились, и его душа получила свет и освобождение. Бог, о Котором он тосковал, коснулся его души, и всё стало новым. Он стал причастным к вечности. Тюремные дни потекли спокойнее и осмысленней, отчаяние ушло, и он с нетерпением ожидал конца своего срока, чтобы начать новую жизнь в Боге.

В тюрьме сидели разные заключённые, и многие были приговорены к пожизненному заключению. Матильда часто посещала таковых. Один такой человек очень болезненно переносил своё заточение, и Матильда чувствовала, как сильно он жаждет освобождения не только из тюрьмы, но и от своего прошлого,

от своего преступления. Его духовная борьба была ужасной и одинокой. Он был интеллигентный и разносторонне одарённый человек. Однажды он попросил у Матильды её серебряную брошку. Не зная, для чего она ему нужна, она протянула её ему. Он обещал возратить её через несколько дней.

Точно в назначенный срок Матильда снова посетила этого заключённого и получила обратно свою брошку, но лицо его выражало радость и какую-то необъяснимую загадку. При следующем посещении он протянул ей молча другую брошку, которая казалась выточенной из слоновой кости. Она выглядела точь-в-точь, как серебряная брошка Матильды, и была тонко и изящно изготовлена.

— Какая красивая вещица! - воскликнула Матильда, - откуда она у вас?

— Она вам нравится, барышня? Вот и хорошо, вы будете носить её?

— Она предназначалась мне? - спросила Матильда, - она так оригинальна и выглядит гораздо лучше моей старой! Вы сами изготовили её? Откуда у вас взялась слоновая кость?

Это не слоновая кость, а супная. Несколько месяцев тому назад нам подали суп на мясном наваре, и на дне моей тарелки была кость, которую я и сохранил. Я долго и тщательно высушивал её на подоконнике моего окна, пока солнце не выжгло все частички жира, и она стала совершенно сухой и лёгкой. Тогда я выточил из неё подобие вашей серебряной брошки, чтобы вам было приятно украсить себя ею».

Глубоко тронутая подарком, Матильда со слезами на глазах рассматривала брошку. Заключённый наблюдал за нею некоторое время, а потом сказал нечто такое, что Матильда запомнила на всю свою жизнь. «В супные котлы тюремных кухонь редко попадают лакомые кусочки. Можно смело заключить, что эта кость принадлежала старой короле, но из неё я, приговорённый к пожизненному заключению, изготовил украшение. Пожизненно заключённый, конечно, представляет собой нечто плохое и низкое, а может, и самое низкое в мире. Но вы мне сказали, что и такого, как я, Бог может совершенно освободить. Солнце Его любви может выжечь все мои грехи так, как сила солнечных лучей очистила вот эту кость.

Разбойник на кресте был позван Иисусом в рай, добрый Господь имеет и для меня место в Своём Царстве. Великий, но освобождённый Богом, грешник может стать драгоценным камнем в венце его Спасителя подобно тому, как старая вываренная кость, взятая из супа заключённого, могла стать ценным украшением на груди самой доброй в мире женщины. Спасибо за то, что вы так искренне обрадовались моему подарку, а я благодарен Господу за то, что Он обрабатывает и меня, приготавливая для Своего вечного Царства».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Матти Гаапоя

Матти Гаапоя был дикий сын пустыни. Его рука была против всех, и рука всех была против него. Совершив однажды необдуманный, своевольный поступок, как проявление необузданной природы, человек может на всю жизнь заклеить себя так, что уже не сможет показаться на улице. Общество выбросит его за борт, и он окажется без друзей и родных. Для того, чтобы выжить, он будет вынужден полагаться на свои природные способности и жить на то, что ему самому удастся приобрести путём грабежа и насилия. Другого выхода у него нет. Таким человеком был Матти Гаапоя.

Он был красивый, исполинского роста, человек. Много рассказов ходило о нём по окрестности. Этот житель лесов и полей обладал силой семерых, никто не мог его одолеть. Он обладал быстротой дикого оленя, и никто не мог его догнать или поймать. Как мчащийся вихрь, ударял он то здесь, то там и, как молния из облака, ударял он то там, то тут, и снова исчезал, едва люди успевали опомниться. Но однажды он всё-таки был побеждён, однажды он всё-таки был пойман, он - Матти Гаапоя!

Его сослали в Сибирь, но его неукротимый нрав последовал за ним и туда, и там его рука была против всех. Только очень редко бывал он тихим и спокойным. По субботам финские ссыльные имели обыкновение собираться в бедном маленьком кабаке, где они хвастались своими преступлениями, совершёнными у себя на родине, играли в засаленные карты и напивались. Матти Гаапоя делал всё со своей стороны, чтобы они напивались допьяна, а потом издевался над ними. Сам он презирал пьянство. Шатающийся пьяный с заплетающимся языком стоял в его глазах ниже животного. Он мог убивать и не находил это несовместимым со своим человеческим достоинством, но он не пил. Когда споенные им товарищи, потеряв сознание, валялись на грязном полу, он переступал через них и, если ночь была не очень

тёмной, шёл на финское кладбище. Это место чем-то завораживало его. Тут росли плакучие белостволовые берёзки, точь- в- точь, как дома в Финляндии. Матти знал, почему они так выглядят, ведь здесь были похоронены финны и, вырастая на этой почве над их могилками, берёзки могли быть только финскими. Тут были ряды крестов, старых и новых... На одних можно было прочесть чьё-то имя, на других были только инициалы или просто какие-то знаки... Все- все, кто лежал под этими крестами, были детьми Финляндии, соотечественниками Матти Гаапоя. Все они были когда-то весёлыми ребятами, у которых были матери и отцы, дом и родина, все они когда-то резвились и бегали под родными берёзками, а теперь они вот тут, заклеянные позором, безымянные, презренные, забытые! Здесь похоронят и его, Матти Гаапоя, и предадут его забвению.

Ветер шумел в берёзовой листве, а когда шёл дождь, он падал светлыми каплями на могилы и был единственными слезами, проливаемыми над этими несчастными, никому не нужными людьми. И тут этого грубого, одинокого, всеми оставленного мужчину охватывало непреодолимое желание выплакаться...

Матти Гаапоя убивал - в Сибири тоже. Он был уличён в двух убийствах, но поговаривали тайком, что у него на совести их было шесть или семь. Его отослали обратно в Финляндию, где он должен был отбыть ещё более тяжкое наказание, но прежде всего он был заключён в Гельсинфорскую тюрьму. Он был весь закован в железо, и по рукам и ногам скован тяжёлыми кандалами. К нему приставили двух сторожей, но даже они не решались входить к нему: Матти Гаапоя был до крайности разъярённый зверь. Это неукротимая жажда жить на воле, которая теперь не могла быть утолена, приводила его в бешенство.

Но однажды случилось что-то удивительное. Перед его камерой стояла высокая, стройная женщина с ясными, светящимися глазами и просила, чтобы её пустили. Тюремные сторожа привыкли к тому, что ей были открыты двери всех камер, но тут они пришли в замешательство. Нет, это невозможно! Это сопряжено с опасностью для жизни. Но высокая женщина не уходила. После многих возражений со стороны сторожей она, наконец, вошла, и дверь за ней закрылась.

На низких нарах в камере лежала мужская фигура, закутанная в грубое одеяло. Лежащий натянул одеяло на лицо и даже не взглянул, когда дверь отворилась. Вошедшей была Матильда Вреде, ангел заключённых, как её называли. Она подождала минутку, а потом подошла к постели, но этот человек, казалось, всё ещё ничего не слышал. Тогда она спросила: «Вы спите, Матти Гаапоя, или вы нездоровы?» - и положила руку ему на плечо. Но как только она прикоснулась к нему, он, несмотря на тяжёлое железо, вскочил с быстротой молнии, отбросил одеяло и встал перед ней во всей своей неукротимой дикой силе и красоте. Как Голиаф, стоял он перед нею, и, несмотря на свой собственный высокий рост, Матильда почувствовала себя маленьким Давидом. Но одно слово из Библии, произнесённое маленьким Давидом, ободрило её: «Ты идёшь против меня с мечём, копьём и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа».

— Кто вы и что вам здесь нужно? - спросил Матти коротко.

— Я - человеческое существо, узнав, что вы приехали из Сибири, хотела бы услышать от вас, не встречали ли вы там моих друзей - Занда, Ройкинена и Форсберга?

— Тогда вас зовут Матильда и вы дочь губернатора города Вазы, но ваш отец был. красивый, сильный мужчина, а вы... - и он окинул её насмешливым, презрительным взглядом.

Но она не смутилась и весело возразила:

— Не все же могут быть такими красивыми, как мой отец или как Матти Гаапоя.

Это несколько обескуражило его, и он присел на край своих нар и замолчал. Через минуту она сказала:

— Я не думаю, что вы должны были бы заставлять меня стоять, когда сами сидите.

Заключённый ответил:

— У меня нет стула, а рядом с Матти Гаапоя никто не решится сесть.

— Не подвинитесь ли вы немножечко, чтобы освободить место для меня? - спросила она и опустилась рядом с ним на край его нар.

Он посмотрел на неё испытующе и подозрительно сказал:

— Я знаю, чего вы хотите, хотя и стараетесь не подавать виду. Вы пришли, чтобы прочесть мне проповедь, но это напрасный труд.

Матильда покачала отрицательно головой, и он продолжал:

— Для чего же вы тогда принесли эту книгу?

Против своего обыкновения Матильда держала в руках Библию, потому что шла от больного. Она сказала ему это.

— Хорошо, - сказал он, - но ведь вы принадлежите к числу тех, кто верит, что каждое слово Библии - определённая весть по отношению к нам и что в ней заключается Божия сила, не правда ли? Но, тем не менее, вы стараетесь выбирать определённые слова и толковать их так, чтобы это подходило к тому, что вы хотите сказать. Ну вот, если я раскрою теперь какое-нибудь место из Библии, растолкуете ли вы его мне? Если вы не сможете этого сделать, то должны объявить себя побеждённой.

Она согласилась, и Матти открыл Библию в самом начале - первую страницу - и, положив палец на первые три стиха первой главы, сказал: «Читайте и сразу же объясните».

Матильда прочитала первый стих: «В начале сотворил Бог небо и землю...». Земля, которую Бог создал, это не только земля там, за окнами этой тюрьмы с её бесконечными просторами, границы которых недостижимы для глаз, с огромными морями и лесами, с их деревьями, травами и цветами, та земля, по которой Матти Гаапоя так тоскует... Но это также человеческое сердце, это сердце Матти. Вот это - то, собственно, и есть земля, созданная Богом». Она прочитала дальше: «Земля же была безвидна и пуста и тьма над бездною...». Земля, которая есть сердце Матти Гаапоя, тоже безвидна и пуста. Пуста, лишена всего, что хорошо и что чисто, мягко и любвеобильно, лишена мира и радости. На ней не растут цветы, не зреют плоды... Почему? Да потому, что тьма над бездною, и потому что тьма убивает жизнь. В сердце Матти Гаапоя тоже бездна. У каждого из нас есть или, по крайней мере, была в сердце бездна, и эта бездна мрачнее ночи. Вы сами знаете, Матти, что эта бездна есть, и вы не решаетесь заглянуть в неё, так она глубока и бездонна. Одна мысль о ней наполняет вас страхом и ужасом».

«И Дух Божий носился над водами. И сказал Бог: да будет свет! И стал свет». Бог может осветить тёмную бездну в человеческом сердце. Он единственный, кто может это сделать. В сердце Матти Гаапоя ещё не проник Божий свет, потому что его сердце ещё не обратилось к Нему. Вся земля безвидна в руках Божиих - человеческое сердце должно само отдаться Богу. И если Матти Гаапоя принесёт своё безвидное и пустое сердце с бездонною, глубокой тьмой, убивающей жизнь, к Богу, тогда Бог скажет: «Да будет свет», - и будет. Она закрыла Библию и замолкла.

Когда Матильда говорила о земле, простирающейся за окнами его тюрьмы, о земле, по которой заключённый так горько и мучительно тосковал, Матти Гаапоя встал, как будто ему не хватало воздуха. И пока Матильда продолжала говорить, его дыхание становилось всё учащённее, тяжелее и порывистей. Когда она перестала говорить, его мощная, исполинская фигура вдруг, как сражённый молнией дуб, повалилась на землю под сильный звон и лязг тяжёлых оков и цепей. И, казалось, что все те слёзы, которые накопились за долгие кладбищенские ночи в далёкой Сибири, рвались теперь наружу в ужасном рыдании, а в промежутках раздавались слова, отрывистые, беспомощные, отчаянные слова, полные самобичевания. Из глубины бездны внутри него, где душа блуждала по запутанным тропинкам, спотыкаясь в чёрном мраке, где удушливый воздух грозил задушить её, вырывался полный смертельного ужаса вопль о помощи, о спасении - «Из глубины я взываю...».

Неподвижно сидела Матильда на нарах. Она закрыла глаза, стараясь ничего не видеть, не слышать и ни о чём не думать... Она не хотела быть свидетелем встречи, этой борьбы, которой никогда не должен мешать своим присутствием посторонний. Наконец, рыдания и стоны утихли, с трудом поднялся смертельно усталый великан. «Теперь кончено, - сказал он, - теперь я открыл перед Ним всю мою бездну. Больше я не могу ничего сделать. Остальное должен сделать Он Сам. И потом, я хотел бы попросить вас, барышня, ещё о чём- то. Оставайтесь со мною и помолитесь, пока я не найду полного мира». Матильда кивнула головой и опять сидела молча, неподвижно... Она молилась. И душа Матти Гаапоя получила исцеление.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это ещё один эпизод из жизни известной миссионерки Матильды Вреде. Она была миссионеркой не по образованию, а по призванию. Посвятив себя Христу, она отказалась от семейной жизни. Она

использовала свою известность в городе, зная, что как дочь губернатора города Вазы, она имела более широкий доступ туда, куда не могли бы пойти другие.

Господь одарил её особенными качествами характера, именно такими, какие нужны были для подхода к закоренелым преступникам, и потому она могла так свободно и спокойно приходить к ним и говорить с ними о своём Спасителе и Господе. У неё не было страха, была только любовь, а в 1 Иоанна 4:18 читаем, что «в любви нет страха, потому что совершенная любовь изгоняет страх». Это один из основных принципов Евангелия. Тому, кто любит, некого и нечего бояться. Зло порождает и вызывает зло, а любовь - только добро. Любовь Матильды Вреде к заключённым пробуждала в них самые чистые и благородные чувства, и самые страшные преступники в её присутствии становились мягкими и добрыми. Конечно, это происходило не сразу, но постепенно они не выдерживали и сдавались перед силой Божественной любви, которой была исполнена их необычная посетительница с прозвищем «ангел заключённых».

Эпизодов из жизни Матильды Вреде было написано очень много. Я привела только некоторые из них... и познакомить моих читательниц с посвящёнными Богу христианками, чтобы нам вместе поучиться на их примере, как нам лучше служить Богу и Спасителю нашему, Иисусу Христу.

Вера Кушнир